

Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

Аннотация

В данной статье устанавливается значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса с точки зрения ее влияния в общей теории политической коммуникации. Для решения этой цели выявляются ключевые проблемы: установления диалогической, а не манипулятивной и однонаправленной коммуникации, организации демократической политической коммуникации, определения подлинного общественного мнения, — находящиеся на пересечении области теории политической коммуникации и теории демократии. В противопоставлении с заложенными данными проблемы линейными моделями «воздействия» в политической коммуникативистике устанавливаются преимущества подхода Ю. Хабермаса к их решению.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, делиберативная демократия, политическая коммуникация, герменевтико-феноменологический подход, публичная сфера.

Автор

Линде Андрей Николаевич

Выпускник аспирантуры
кафедры истории и теории политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Делиберативная (от англ. deliberate — обсуждать, обдумывать) демократия является современным подходом в теории демократии, сформированным в 80-е гг. XX в. Эта концепция, в отличие от «ревизионистской» — элитарной демократии Й. Шумпетера, предлагает расширить власть гражданского общества и его влияние на государственную власть при помощи процедуры рационального обсуждения. Для этого такая дискуссия должна быть «информированной, сбалансированной, сознательной, независимой и всесторонней» [15. — Р. 285]. Представители концепции «выступают за компетент-

ность в полемике, использование интеллекта общественности в государственных делах и непредвзятость в обретении истины [13. — С. 382–383]. Основным представителем концепции, обосновавшим ее ключевые принципы, является философ Юрген Хабермас.

Также концепция делиберативной демократии имеет особое значение для теории политической коммуникации¹,

¹ Термины «теория политической коммуникации» и «политическая коммуникативистика» употребляются в отечественной политической науке. Политическая комму-

так как она стремится решить существенные проблемы организации политической коммуникации в обществе, которые привели к кризису демократии. Для этого предполагается развитие модели свободной, субъект-субъектной коммуникации, сформулированной Ю. Хабермасом в «теории коммуникативного действия», институциональное утверждение независимой области обсуждения, определенной ученым в понятии «публичной сферы».

Следовательно, особенно важно определить, какие существенные проблемы теории и практической организации политической коммуникации являются причинами формирования концепции делиберативной демократии.

никативистика, как «теория среднего уровня», и теория политической коммуникации, как теория более общего, высокого уровня, находятся только в процессе формирования и институционализации, в итоге, формируя общее значимое направление политической науки, на что указывают Л. Н. Тимофеева и А. И. Соловьёв. Хотя, с одной стороны, ряд ученых отмечает, что общей разработанной теории политической коммуникации на данный момент не существует — «„высшим этажом“ для политической коммуникативистики должна стать теория политических коммуникаций. Должна, но ее пока нет». [10. — С. 46]. Но при этом постулируется и возможность формулирования общей теории, которая понимается не просто как суммирование знаний различных дисциплин о политической коммуникации, а более сложное, структурированное, взаимосвязанное, «диалогически-диалектическое» дисциплинарное образование, в совокупности составляющее, по выражению Р. Крейга, «метадискурс» теории коммуникации. Следовательно, и определение значения оригинального герменевтико-феноменологического подхода, ставшего методологическим основанием для критической теории Ю. Хабермаса, обладает особенной важностью для общей теории политической коммуникации.

1. Политико-коммуникативные основания кризиса современной теории демократии

Ряд исследователей обозначают существующий кризис как кризис принципов классической теории демократии, так и их применения в демократических государствах на практике в XX в. Этот кризис был рассмотрен в первой половине XX в. в модели «элитарной демократии» Й. Шумпетером, проанализирован в 80–90-е гг. Д. Дзоло, К. Краучем и др. Эти исследователи указывают на зависимость указанных проблем демократии от существующей практики политической коммуникации и ее теоретического изучения.

Прежде всего кризис затрагивает особенно значимые принципы «развивающей демократии» — одной из основных концепций в демократической мысли. «Развивающая демократия» послужила фундаментальным смысловым основанием для разных моделей демократического режима (классическая демократия в Афинах, республиканизм, либеральная «демократия развития» [13. — С. 159]). В отличие от современного понимания либеральной демократии¹, в «развивающей демократии» демократическое устройство является только средством для основных, более глубоких, нормативно-ценностных целей: осуществления условий для свободы «мысли, слова и действий... формирования разума» [13 — С. 158], связанных с утверждением «образованного, ответственного и развивающегося гражданина... „возвышенного и гармоничного“ раскрытия индивидуальных способностей» [13. — С. 159].

Й. Шумпетер для обоснования элитарной демократии именно через проблемы

¹ Так как основной целью либеральной демократии является защита частных, экономических интересов индивида в обществе, понимаемом как «система структурированного рыночным хозяйством сообщения частных лиц и их общественного труда» [11. — С. 382].

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

политической коммуникации стремится доказать несостоятельность основных понятий классической демократии: «Общее Благо» и «Общая Воля» народа. Выражение «общего блага» неосуществимо: представления граждан включают не только рациональные стремления, но и логически несогласуемые «высшие ценности» [14]. Поэтому не имеет значения связанная с ним «общая воля». Отсутствие политической воли у граждан связано с низким уровнем политической вовлеченности, обусловленным функционированием политической коммуникации. Политические представления задаются элитами через СМИ, используются манипулятивные технологии навязывания задаваемых картин мира, «символического» значения действительности. Граждане не могут воспринять подлинную политическую реальность, понять правила политической деятельности, сформировать ответственное политическое действие. Общественное мнение фабрикуется государством для легитимации. Но, по своему содержанию, это приводит к отказу от принципов классической теории и концепции «развивающей демократии».

Поэтому для обоснования подлинно демократической теории Ю. Хабермас стремился, во-первых, разработать правила коммуникации, благодаря которым возможен всеобщий, рациональный, универсальный диалог для достижения подлинного консенсуса по отдельным политическим вопросам и установления Общего блага. Во-вторых, определить условия для формирования, сущность разумной общественной воли, ответственного политического действия, формулируя его как «коммуникативное действие».

2. Теоретические субъект-объектные, линейные и однонаправленные модели политической коммуникации

Взаимосвязанной с кризисом теории демократии проблемой является формирование «однонаправлен-

ной» модели политической коммуникации. По своей форме она повторяет линейную модель технической коммуникации, представленную математиком К. Шенноном. Коммуникация определяется как формальный, технический процесс передачи точной, абстрактной информации от источника — субъекта к адресату — объекту. Подобная односторонне направленная, линейная, субъект-объектная политическая коммуникация служит достижению власти политического лидера или государственного аппарата, создающего, регулирующего информацию и являющегося ее основным источником.

Это привело к формированию в политической коммуникативистике модели «исследования воздействия» [4. — С. 335]. Большинство ученых, работавших параллельно с Й. Шумпетером (Г. Лассуэлл, У. Липпманн и др.), исследовали коммуникацию в этом ключе. Изучались наиболее эффективные методы воздействия элит на общественное мнение, поведение, сознание граждан. Так, Г. Лассуэлл в 30–40 гг. XX в. предполагал, что пропаганда способна воздействовать на сознание индивида согласно эффекту «волшебной пули»¹.

В результате аналитически продуманной и рассчитанной манипуляции государственный аппарат обладает возможностью через пропаганду «создавать волю народа» [5. — С. 256], конструировать общественное мнение. Напротив, исследователи не предлагали принципы политической коммуникации, обеспечи-

¹ Он утверждал, что если субъект — источник коммуникации, удачно учтет все элементы коммуникации, то адресат не сможет сопротивляться его воздействию, и информация, как пуля, воздействует на его сознание. Но уже более поздние исследования выявили, что воздействие пропаганды не является настолько абсолютным, а индивидуальное сознание индивида не так просто подчиняется принципам ее влияния и по-разному реагирует на пропаганду.

вающие возможность «критического сопротивления новым технологиям убеждения» [5. — С. 256]. Но тогда граждане предстают только «послушными автоматами, подвергавшимся систематическому» [4. — С. 338] воздействию СМИ, не изучается, что «информация воспринимается неоднородно на индивидуальном уровне» [4. — С. 338]. Отрицается способность человека к субъективному, индивидуальному восприятию и интерпретации информации в соответствии со своими ценностями и предпочтениями.

Также значимо, что массовая политическая коммуникация часто основана не на убеждении аудитории, предполагающем усвоение аргументации, а на эмоциональном внушении. Внушение предполагает прямое индоктринационное воздействие на некритически настроенное сознание индивида, ставящее целью внушение посторонних идей и вытеснение существовавших раньше смыслов, противоречащих цели внушения, при помощи сообщения не логичных, а глубоко неосознаваемых и безвольно принимаемых индивидом образов и символов. У человека «могут быть сформированы представления, не соответствующие действительности... побуждения к действию без оценки их мотивации и цели» [6. — С. 57].

Поэтому для создания подлинно демократической концепции Ю. Хабермас стремился создать подход к коммуникации как диалогу между равноправными, но индивидуально воспринимающими действительность и испытывающими различные ценностные предпочтения, участниками. Ю. Хабермас использует методологию «критически ориентированных» наук, преследующих интерес эмансипации общества. Для раскрытия убеждений самих граждан служит герменевтико-феноменологический подход, разработанный Э. Гуссерлем, Х.-Г. Гадамером. В противоположность системно-функциональному подходу он направлен на понимание собственных взглядов и предпочтений граждан, сообщению которых служит

коммуникация, потенциально составляющих мнение общественности.

Центральным для феноменологии является понятие «жизненного мира». Э. Гуссерль определяет «жизненный мир» как совокупность не объективно заданных, а субъективных, непосредственных представлений самих людей о себе и окружающем мире, норм и ценностей, религиозных представлений, всегда изначально заданных в жизненном опыте. Именно через восприятие этих идеалов, ценностей человек определенным образом интерпретирует действительность. Эти представления не зависят от «каких бы то ни было научных... констатаций» [3. — С. 176].

Это определяет исследование политической коммуникации, в которой ученый интерпретирует субъективные смыслы «жизненного мира», которые сообщаются участниками диалога в стремлении достичь друг с другом взаимопонимание. Следовательно, именно в прояснении «жизненного мира» разных социальных групп достигается понимание точек зрения, при проведении рационального диалога составляющих общественное мнение.

3. Проблема «технизации» жизненного мира

Одной из главных проблем современных постиндустриальных обществ Ю. Хабермас считает возможную опасность «технизации» жизненного мира. Она связана с чрезмерным распространением в обществе инструментальной рациональности, подчинением ее принципам всех областей человеческой деятельности в обществе, с позиций «ценности калькуляции технического характера» [13. — С. 215]. По форме такая рациональность определяется развитием позитивизма, утверждается в точно-научном планировании своей деятельности и регулировании деятельности подчиненных. По содержанию она происходит из «протестантской этики»: действия направ-

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

лены на достижение собственного интереса, регулируются принципами успешности и эффективности. Но еще М. Вебер выделяет ее негативные стороны: технико-инструментальное регулирование жизни не дает выразиться, предполагая их несущественными, глубоким культурным и религиозным, ценностно-нормативным представлениям людей о жизни.

Главные критерии инструментальной рациональности — эффективность и целедостижение. Инструментальная рациональность основана на эмпирическом познании действительности, успешно утверждаясь за счет технического, информированного обладания окружающим миром и приспособления к его внешним условиям¹. Так, инструментальное или стратегическое действие, с точки зрения Ю. Хабермаса, направлено исключительно на достижение собственной цели, «оказывая... влияние на понимание ситуации

---

¹ С нашей точки зрения, характерным примером такого индивида, сформированного протестантской этикой, действующего в связи с критериями успешности, эффективности, деятельность которого в целом обусловлена «инструментальной рациональностью», является «модульный человек», представленный и концептуализированный Эрнстом Геллнером. Так, в противоположность традиционному укладу общества, поддержке современного, информационного типа общества, с точки зрения Э. Геллнера, служит стандартизация языка, ограничение смысловых различий и условностей. А средством для стандартизации языка также служит единая кодифицированная культура: «...в новом мире, где царит модульный человек... не приветствуются никакие групповые, частные или местные смысловые или синтаксические условности, сужающие возможности передачи сообщений независимо от адресата и обстоятельств. Концепции не должны быть локальными. Необходима их стандартизация, чтобы они имели хождение в масштабах всего общества» [2. — С. 125].

их соперником... его решения и мотивы» [12 — С. 199].

В феноменологии анализировался смысл сообщаемого, укорененный в сознании участников обсуждения. Напротив, представитель системно-функционального, «управленческого» подхода Н. Луман утверждает, что смысл является функциональным продуктом системных операций, использующих и определяющих его, не существует идеального, изначального смысла, существующему в человеческой культуре [8. — С. 46]. Также, что при современном развитии систем обществ требуется подчинение жизненного мира логике кибернетического кодирования, «техника принимает форму автоматизации при переработке информации, оперирования идеальными единицами, исключая из сознания их более широкий смысл» [7. — С. 112]. Н. Луман приходит к техническому управлению обществом, работающем только при сокращении области «вероятности, которая характеризует человеческую ситуацию» [1. — С. 184].

Постепенно это приводит к «овеществлению коммуникативной практики повседневной жизни» [20. — Р. 386]. Нарушение жизненного мира происходит при технической легитимации власти, основанной на системном программировании и эмоциональном внушении человеку новых смыслов. В результате происходит отчуждение человека от своей природы и «нарушение коллективной идентичности в обществе» [20. — Р. 386].

Вместе с тем в обществе важны не только уровень государственного аппарата, но и гражданского общества, не только технократический механизм управления, но и непосредственный «жизненный мир» общества в многообразии проявлений, не только точный научный анализ экспертов, ориентированный на эффективность, но и разные глубокие культурные смыслы, только в связи с которыми совершается деятельность людей.

Следовательно, в отличие от «ограниченного» системного подхода, Ю. Ха-

бермас разрабатывает теорию коммуникативного действия, представляющую собой «двухуровневую концепцию общества, которая соединяет парадигмы „жизненного мира“ и „системы“» [19. — Р. 45]. Поэтому он преследует цель одновременно более правдивого отображения общества и возможности выявления кризисных явлений современности.

Говоря о «системно-функциональной» составляющей своей теории, Ю. Хабермас критикует рационально-бюрократическую природу современных государств. Бюрократия осуществляет управление в связи с инструментальной рациональностью. Это ставит под угрозу существование демократии, свободы и равенства граждан. Вне критики подсистемы административной технократической власти становятся «саморефрентными» — самоописывающимися, аутопойэтическими — самовоспроизводящимися системой без влияния окружающего мира, неподвластными мнению обществу.

Так как государственный аппарат, в соответствии с точно-научной методологией управления обществом, ставит своей задачей техническое преобразование действительности, он более не нуждается во взаимопонимании «действующих субъектов, которые практически хотят овладеть своими общественными отношениями» [9. — С. 8]. Вследствие этого для поддержания существующего порядка и решения организационно-управленческих задач, и человеческая деятельность становится предметом рационального управления, как «материал... люди, подобно природным объектам, принуждаются к исчисляемому поведению» [9. — С. 6]. Поэтому Ю. Хабермас стремится противопоставить свою теорию коммуникативного действия процессу, когда, в применении инструментального действия государственным аппаратом, руководствующимся позитивистской логикой, происходит техническое нарушение жизненного мира, «коммуникативно

структурированные сферы жизни субординируются императивами независимых, формально организованных систем действия» [19. — Р. 45].

Решение проблем теории политической коммуникации Ю. Хабермасом в концепции делиберативной демократии

Теперь рассмотрим подробнее, каким образом именно концепция делиберативной демократии решает выявленные ранее политико-коммуникативные проблемы.

Ю. Хабермас пишет о необходимом сохранении, рационализации структур жизненного мира, основой которого является взаимопонимание. Средством этого является коммуникативная рациональность, она утверждается не за счет эффективности, эмпирического познания, а взаимопонимания, консенсуса и согласованности между людьми. В коммуникативном действии акторы преследуют достижение цели, но при взаимном согласии, равенстве, взаимопонимании, стремлении принять точку зрения другого, существовании некоторой договоренности, только при которой акторы могут преследовать те или иные цели. Они определяются при прояснении и восприятии, в ходе обсуждения, не только личного, но ставшего после обмена точками зрения общего, интерсубъективного смысла действия. При этом консенсус обогащается восприятием индивидуальных точек зрения, не определяется окончательно, а может быть изменен и пересмотрен.

Проводником коммуникативной рациональности становится «публичная сфера», определяемая Ю. Хабермасом как сфера социума, в которой происходит формирование общественного мнения и «процесс коммуникативного производства легитимной власти» [17. — С. 203], возможно решение общественно значимых задач.

Ю. Хабермас, основываясь на идеях Ч. Р. Милса, определяет критерии фор-

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

мирования независимого рационального общественного мнения:

1. В общественности число выражающих свою точку зрения «вовне» совпадает с «принимающими» информацию. Коммуникация строится по принципу диалога, потенциально каждый может выразить свое мнение и выслушать другого, повестка дня не определяется «лидерами общественного мнения» через СМИ, транслирующими информацию публике.

2. Политические коммуникации общественности организованы так, что есть возможность немедленно и результативно ответить на любую точку зрения, выраженную публично.

3. Общественное мнение, на основах рациональности, аргументированности сформированное подобной дискуссией, находит выход в результативном, рациональном, позитивном действии, даже если противоречит с принципами, установленными «господствующей системой властных отношений» [18. — Р. 249].

4. Власть не оказывает давления на общественность, которая более или менее независима в проведении дискуссии.

Ю. Хабермас разрабатывает определенные принципы обсуждения, служащие основой «модели идеальной речевой ситуации». Благодаря этим принципам возможно достижение подлинного, не навязанного внешне консенсуса:

1. Все потенциальные участники обладают правом начать дискурс по проблемным общественным вопросам и продолжить его. 2. Они обладают равными возможностями представить свои точки зрения, обосновать их или опровергнуть другие. 3. Они правдивы в отношении своего «внутреннего мира», «своих установок, чувств и намерений» [9. — С. 92]. 4. На точки зрения, дискурс не влияют «внешние принуждения»: положение, влияние граждан, учитывается значение аргумента.

В коммуникации устанавливается взаимопонимание между людьми с разными картинками мира, «равное уважение к каждому распространяется не на себе подоб-

ных, но на личность... других в их инаковости» [11. — С. 48]. Взаимопонимание достигается не через внешнюю к индивидам, принудительную системную интеграцию, а непосредственную, межличностную, общесоциальную коммуникацию. Сохранение взаимопонимания обеспечивает самоорганизацию гражданского общества, что служит также поддержанию демократического режима. Поэтому социальное взаимодействие по принципам коммуникативного действия позволяет гражданам ориентироваться на соглашение, консенсус друг с другом, в ходе аргументации совместно обосновывать дальнейшее направление развития политики.

Но, в противоположность радикальным мыслителям¹, Ю. Хабермас не отрицает значения представительной власти, «только политическая система может „действовать“» [16. — Р. 300]. Проекты власти должны быть опосредованы обсуждением общественности: «коммуникативные структуры публичной сферы формируют... сеть воспринимающих элементов, которые реагируют на давление общественно-распространенных проблем и стимулируют влиятельные мнения» [16. — Р. 300]. Универсальный, рационализированный политический дискурс способен вовлечь все заинтересованные стороны, подчиняется силе аргументации, а не экономическому, политическому принуждению. Политическая коммуникация происходит не из единого источника в административной власти, а формируется в рамках обсуждений в гражданском обществе. Универсальность, рациональность обсуждения обеспечивают не утверждение личных интересов властных групп, а понимание Общего блага социума, его достижение.

В результате можно отметить, что концепция делиберативной демократии об-

¹ К ним можно отнести Ж.-Ж. Руссо, «утопических» социалистов, марксистский — коммунистический подход к демократии и др.

ладает следующим значением в теории политической коммуникации:

1. Концепция стремится преодолеть технократическое нарушение «жизненно-го мира», связующего различные сферы жизни общества и воспроизводящегося посредством коммуникативного действия. Для этого требуется преодоление техницизирующих императивов инструментального действия государственно-административной и экономической подсистем.

2. Рациональные принципы коммуникации, «идеальной речевой ситуации» служат созданию субъект-субъектного диалога, сохранению взаимопонимания, прояснению собственных точек зрения между людьми.

3. Императивы власти и логика рынка сдерживаются, когда учитывается рациональное общественное мнение, консенсус, установленный в диалоге.

4. Таким образом, преодолевается принудительная «технизация» жизненного мира, а сферы общественной жизни, воспроизводящиеся за счет коммуникативного действия, сохраняют свою независимость.

5. Кризис демократического режима может быть разрешен при организации политической коммуникации по установленным Ю. Хабермасом принципам, организацией независимой «публичной сферы».

Литература

1. *Винер Н.* Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. — СПб, 2001. — С. 3–196.
2. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — 240 с.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. — СПб: Наука, 2013. — 494 с.
4. *Гуторов В. А.* Политические коммуникации и СМИ как факторы эволюции теории демократии // SCHOLA- 2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — С. 334–345.
5. *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. — М.: Издательский дом Государственного Университета — Высшей Школы Экономики, 2010. — 320 с.
6. *Евгеньева Т. В., Селезнёва А. В.* Психология массовой политической коммуникации: Учебное пособие. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 304 с.
7. *Луман Н.* Власть. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
8. *Луман Н.* Общество как социальная система. М: Издательство «Логос», 2004. — 232 с.
9. От критической теории к теории коммуникативного действия. Эволюция взглядов Ю. Хабермаса. Тексты (сост.: Алхасова А. Я.) Ульяновск: УлГТУ, 2001. — 150 с.
10. *Тимофеева Л. Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. — 2009. — № 5. — С. 41–54.
11. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб: Наука, 2001. — 417 с.
12. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб: Наука, 2000. — 480 с.
13. *Хелд Д.* Модели демократии. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 544 с.
14. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер [сайт]. 2007. — URL: <http://www.schumpeter.ru/reading.php?book=kapital&id=21# 4> (дата обращения 09.07.2016).

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

---

15. *Fishkin J., Luskin R.* Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // *Acta Politica*. — Stanford, 2005. — P. 284–298.
16. *Habermas J.* Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Massachusetts Institute of Technology, 1996. — 631 p.
17. *Habermas J.* Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. — Leipzig: Reclam Verlag, 1990. — 254 s.
18. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere. An inquiry into a category of bourgeois society. — Massachusetts, 1991. — 301 p.
19. *Habermas J.* The theory of communicative action. Vl. 1, Boston, Beacon Press. 1985. — 562 p.
20. *Habermas J.* The theory of communicative action. Vl. 2, Boston, Beacon Press. 1985. — 457 p.